

ЛОЖНЫЙ БЕЛЫЙ

Две судьбы повести Фридриха Горенштейна «Чок-Чок»

Павел Крючков

Литература

Часто говорят, что движение жизни — это и есть развитие судьбы. Однако жизнь всегда чуть-чуть отстает. Она, конечно, несет в себе эмбрионы будущих итогов, но, являясь чем-то статичным (при кажущейся динамике), отстранена от главного. А главное принадлежит единственно времени и лежит за гранью чисто человеческого понимания вещей.

Судьба художественного произведения — явление, как известно, столь же (если не более) деликатное, сколь отражение человеческого бытия в неровном зеркале Вечности. Но то, что случилось с повестью Фридриха Горенштейна «Чок-Чок», способно, на мой взгляд, заставить покраснеть даже хладнокровно настроенных.

Сначала — первая жизнь, первая судьба. Появление повести в «феминистском» выпуске «Искусства кино» (№ 6, 1991) не означало ничего, кроме появления Текста. Ну, феминистский номер, и что? В конце концов, в каждой книжке этого журнала есть раздел «Избранная проза», он нуждается в заполнении. Правда, после прочтения повести я так и не решился гадать: неужели составители додумались, что при наличии главного действующего лица (мужчины) и его страшной судьбы, не отпускаящей от текста ни на секунду, истинными героями этой вещи являются Женщина и то мистическое существо, которое, по словам Гете, «с души не снимет камня... как слово правды сделать может». «Явление», между прочим, — женского рода.

Так или иначе, текст появился. Повесть о ложном обладании и ложной уверенности, о пошлости взросления, что притворяется эволюцией естества.

Сережа Сукватых — «сын известного в городе гинеколога» и сам будущий гинеколог — живет в напряжении: что такое есть Женщина? Напряжение впервые появилось в девятилетнем возрасте, когда он познакомился с Белочкой Любар, по прозвищу «Чок-Чок». С девочкой, нашедшей, в свою очередь, не только Любимого, но и объект прилежания рано развившейся чувственности, — своего напряжения. Практическое испытание — проверка тайно вычитанного, подсмотренного и подслушанного обернулось, естественно, разочарованием: «все вокруг провибрило полное безразличие к случившемуся», от отчаяния Сереже «искренне захотелось умереть, и смерть показалась счастьем». Самое грустное, что этот естественный итог — единственный по-настоящему любовный случай в жизни Сережи. Тут были взаимность и чистота, была тайна. Когда же на свою детскую, счастливую похоть Белочка попыталась наложить «взрослый» графариет и якобы «настоящие отношения» — мир не выдержал и взорвался.

Лирик и психолог, Горенштейн почти всегда находит единственно верную деталь, точный живописный мазок, закрепляющий философию сюжета. Подобные детали любил Василий Розанов, погружавшийся в «плотское» с фанатичным восторгом ветхозаветного испытателя. Особенно дорога сердцу Розанова была бы субстанция этой детали — жидкость. Самая четкая граница между концом от начала, ложью и правдой, смертью и рождением. На постель мамы Белочки, Мери Яковлевны, проливается кровь. Не та, что происходит от сладостной боли, —

нет, всего лишь из носа. По возвращении домой Сережа выпивает банку чернил, пытается хоть как-то растворить свой ужас, развести его, подобно искусной эссенции, один к десяти. Все повторится потом, когда (чуть не сказал «перед смертью» — а ведь на самом деле именно так; все следующее за описываемым ниже эпизодом уложится практически в одну фразу: «однако умер Сережа много лет спустя, — еще не стариком, но в возрасте уже перерезлом») он выпьет йоду, чтобы окончательно избавиться себя от напряжения. Но избавиться уже не просто растворением страшной досады, а спешным и бесповоротным сжиганием отчаяния и боли.

Между Белочкой и Каролиной, — той самой, из-за которой герой выпьет йод, — пролегло (или встало?) время.

Горенштейн разделил его на сюжет, окруженные общим пространством. Пространство оказалось ложным.

Может быть, некогда у Сережи Сукватых и была возможность избежать лжи: нянюшка Дуся с ее «темными» сказками и совместным посещением церкви; доставшаяся, видимо, от покойной матери чистое зрение (общий с Белочкой календарь трехдневной разлуки — «голубой», «желтый» и «зеленый» — дни ожидания), — но после случая с церковью отец нянюшку уволил, а вслед за исчезновением Белочки «чистое зрение» приходилось делить лишь с самим собой (что небезопасно). Мама же Сережи умерла, не удержавшись в памяти по объективным причинам.

Ложное пространство нуждается в постоянном каркасе, как дом в крыше и фундаменте. Их роль выполняют отец Сережи и мать Белочки — люди карикатурные, как, скажем, Коробочка и Манилов. Эти мертвые души (врач и педагог-теоретик) рассуждают и оправдываются точными сентенциями, оплохотно принимаемыми за мысли. А Горенштейн невозмутимо их цитирует: «Мой сын впервые по-настоящему влюблен и счастлив, — подумал Иван Владимирович. — ...Тут важно людям моего опыта и моего возраста сдерживать эгоистическую гордыню поднавшей, неудовлетворенной души и не отравить чужой свежести своими разочарованиями, своим мрачным полетом фантазии. «Дождя отпумевшего капли» — вспомнил Иван Владимирович романс, который читаю пела Мери Яковлевна, — да отпумевшего... В звуках отпумевшего утешение... «Утешься, не сетуй напрасно, то время вернется опять». Вот оно и вернулось для Сережи».

А дальше — точный авторский аккорд: «И теплое, нежное чув-

ство к сыну, к своему, впервые по-настоящему влюбленному, счастливому мальчику заглушило пробудившуюся было жгучую печаль, гордыню личного горя и личных разочарований».

Внимательный читатель Горенштейна должен испытывать почти мазохистское наслаждение от подобных пассажей. Не могу не предоставить слово второму статисту — Мери Яковлевне: «В Белочкинм возрасте, думала Мери Яковлевна, — индивидуальные ассоциации преобладают над общими, и внушение ребенку отдельных нравственных принципов должно быть связано с его общим самочувствием. Белочкино психическое состояние зависит от состояния физического. Уговоры, ласки, а тем паче наказания бьют мимо цели... Конечно, Белочка выросла... ей нужны теперь не те книжки, что в детстве. Прежде всего Пушкин. «Я Вас люблю, чего же боле, что я могу еще сказать...». Разумеется, подростку еще недоступны тончайшие описания красот природы или психология человеческих чувств, но общая фабула классического художественного произведения уже доступна».

Пушкин присутствует в эпиграфе, эпилоге и «шуме времени», — судя по скрупул приметам, предвоенные годы. И Пушкин — единственный, кто после очередного обмана (выученный в детстве определенный стихок «Утро» позднее оказался лишь фрагментом скабрёзой «Вишня») не отвергнул душу, но отобран у мертвецов, прикидывающихся родителями. В итоге выросший мальчик распорядился Пушкиным по-своему: в скрюченных предсмертной судорогой пальцах был захвач листок, на котором лихорадочно религиозный к старости и сочиняющий «духовные» стихи, подчас грубоватые, — Сережа записал два стихика, посвященных «некой Чок-Чок». Второе стихотворение, пишет Горенштейн, «называлось «Детские сны» и свидетельствовало о сумеречном сознании Сережи, ибо это были общеизвестные хрестоматийные стихи Пушкина: Румяной зарю Покрылся восток, В селе за рекою Потух огонек...»

Горенштейн оборвал цитату, но я уверен, что стихи были написаны в «первом», детском варианте.

Сережа не разгадал тайну Женщины. Научившись со временем относиться к Ней легко и ясно, пережив радость обладания и кошмар неудачи, не встретил и не узнал Любви. Вторая и последняя попытка разгадки также оказалась загадочным обманом. «Спокойно-любовозательное» отношение к смерти, замечанное на этом обмане (ибо Любовь есть Жизнь), при-

вело к посмертным следам слез на седых висках, к измученному нефритом (после случая с йодом) телу и последней попытке позвать на помощь «ту давнюю детскую любовь, ту счастливую детскую похоть, то милое, родное, детское несчастье». Первое, «грубое» стихотворение, найденное несчастливой женой в руках у мертвого (действительно мертвого) мужа, называлось «Обида»:

Обида, как вошь, завелась
в голове,
Не гребнем ее и не ногтем.
Медовое море небесной любви
Телесным испортили детям.
Воля читателя настоящих замес-
ток, эта строфа — забытое эхо раз-
двоенности Буонаротти; то самое,
еще детское желание убежать в
темноту, умереть, лишь бы не
впитать ложь, разлитую не только
в воздухе, но и в душе и теле.
Очень грубое эхо, сниженное «ли-
хорадочной религиозностью» на-
шего героя:

Уж чужа смерть, хоть и не знае
срока
Я вижу жизнь все убыстряет шаг,
Но телу еще жалко плотских благ,
Душе же смерть желаннее порока.

Мир - в слепоте: постыдного урока
Из власти ала не извлекает злак,
Надежды нет, и все объемяет мрак,
И ложь царит, и правда прячет око.

Когда ж, Господь, наступит то,
Ждут верные тебе? Ослабевает
В отсрочках вера, душу давит гнет;

На что нам свет спасенья твоего,
Раз смерть быстрее и навсегда являет
Нас в срамоте, в которой застает?
(перевод А.Эфроса)

Горенштейн оказался точен. Он сочинил повесть, где нет ни одного настоящего слова о любви, как будто это чувство превратилось в предание и поддается воскрешению лишь через стихи умершего сто лет назад поэта. Но глаза возвращаются к названию, вспоминаешь, как счастливо улыбающаяся парв в городском парке протягивает орех пугливой белочке, мучался от желания расслышать (или вспомнить?) единственно верный призыв к принятию дара.

Стихи со временем могут забыть-ся, зов тоже. Но всегда можно протянуть руку. Тогда и умирать не так страшно.

P.S. Сюда я помещаю начало второй жизни, второй судьбы повести «Чок-Чок». Все просто: санктпетербургское издательство «Библиотекка» «Звезды» продолжило свою карманную серию (начатую «Девичьей игрушкой» И.Баркова), выпустив повесть отдельным изданием. Ограничьтесь только двумя деталями, характеризующими маленький белый том. Подзаголовком редакция жирно предупредила: «Философско-эротический роман», а чтобы предупреждение задержалось в голове потенциального покупателя, художник Олег Хлнин проиллюстрировал каждую интимную сцену (коих в «романе» семь) выразительными рисунками. Подлистай, мол, и посмотри, чтобы чувствовал, за что семьдесят пять рублей платишь!

Грибники знают, что такое ложные опята и «замаскированные» рыжики. У белого гриба, наверное, тоже есть свой антиграф.
Что скажет, почему это случилось сегодня именно с этой темой и этой повестью?